

В дни недавнего празднования 100-летия Иркутского государственного университета, основанного в 1918, мне вспоминались яркие события студенческой жизни в его стенах. Я учился на физическом факультете с 1966 по 1971, участвовал в общественной жизни в качестве редактора стенгазеты факультета и пробовал писать стихи. Одно стихотворение — зарисовка из стройотрядовской жизни — было опубликовано в многотиражной газете ИГУ. Вот оно:

<i>Сосны замерли, будто прислушавшись. Там, внизу — танцплощадки пятно. И есенинская взволнованность с задушевной тоской заодно. Там — концерт. Математик Володя нам читает про Шаганэ и тоскует о русском народе, о волнистой ржи при луне. Ну, а мы — на суровом Севере, только сосны да сосны кругом,</i>	<i>и мечтаем о южном берегу с жарким солнцем, горячим песком. Только мы бы там долго не пробыли, потому что мы с Севера, что ли, и нужна нам сибирская воля вместо мягкости южных ночей. О, Есенин! Как жаль — ты не с нами и не пел ты сибирской красоты. Жаль, не видел ты Бирюсы и не плавал Байкала волнами...</i>
--	--

В той газете иногда публиковались стихи студентов — начинающих поэтов, и существовало ЛИТО (литературное объединение) университета, старостой которого был Владимир Артёмов, а куратором — Ростислав Иванович Смирнов. Один поэтический вечер, организованный ЛИТО осенью 1969 года, мне хорошо запомнился.

Вечер открыл Владимир Артёмов, в то время студент 4 курса филфака. Он держался уверенно, голос чуть срывался, но речь текла ровно и внушительно. Он говорил о ценности поэзии в жизни общества, о работе ЛИТО и продвижении творчества его участников в печати, огласил программу вечера: выступления поэтов состоявшихся, поэтов начинающих, общая дискуссия.

Первым выступил Виктор Отинов с яркой эмоциональной лирикой, в которой есть мотивы из жизни геологов, с которыми он успел побывать в экспедициях. Запомнились его строки:

*Я — климат континентальный,
я склеен из настроений.
Сегодня я — тверже стали,
а завтра — букет сирени.
Ты видишь меня веселым,
безоблачным и туманным.
Тебе не услышать стоны
за звоном глухим стаканов...*

Вторым выступил Яков Кром, уже известный читателям областных газет своими подборками стихов. Далее со стихами выступила студентка 2-го курса филфака Татьяна Филимонова, экспансивная девушка с ниспадающей на лоб челкой. В стихах ее кипели бурные, шекспировского уровня страсти, и присутствовавшая на вечере Анна Селявская, не выдержав, подала реплику с сомнением в том, что девушка действительно пережила в жизни такое. Было еще несколько выступле-

ний, в одном из которых прозвучало эпатажное стихотворение с рефреном «не высовывайся!» И в явном противоречии с этой установкой, на вечере один поэт «высунулся», как говорится, по полной программе.

Это был Александр Сокольников. Он прочел свои стихи в стиле верлибра при молчаливом внимании зала, которое прерывалось только хлопками в ладоши, издаваемыми одной девушкой в заднем ряду. Судя по лицам, назревала буря дискуссии, которая произошла позже.

Выступили несколько начинающих поэтов с математического, физического, биологического факультетов. Среди них был физик Валерий Выборов, замечательно тонкая пейзажная лирика которого обратила на себя внимание, и это выразилось в подборке его стихов, напечатанной вскоре в газете «Советская молодежь» с предисловием Сергея Иоффе. Удивительно то, что одно его стихотворение, услышанное однажды, врезалось навсегда в мою память:

*Когда настанут холода
и снежный вихрь закружится,
в полночный час на провода
слетит ноябрь синей птицей.
Когда сквозь первый навший снег
трава восково зажелтеет,
когда застынут вены рек,
а солнце землю не согреет —
когда придёт ко мне беда,
твой гулкий выстрел лес разбудит.
Мой друг, со мной тебя не будет,
когда настанут холода.*

Во второй части вечера состоялось обсуждение прочитанных стихов, и в его центре оказалось творчество Александра Сокольникова. Вначале выступили студенты. Одна девушка заявила, что стихов этих она не понимает, как и того, с какой целью они написаны. Другая девушка заявила, что не всем доступно понимание таких произведений, подобно тому, как различную музыку понимают по-разному люди различного уровня подготовки. Если кому-то это непонятно, нельзя считать это бредом. Ей тут же возразили: «Но ведь классическая музыка всем понятна!» Она ответила: «Нет, не вся. Например, музыка Равеля не всем понятна». Разговор продолжился на тему понятности стихов Пушкина, Лермонтова, Блока.

После нескольких задорных выступлений молодежи за и против стихов Сокольникова, его попросили пояснить образ «накрыться лужей». Александр вышел вперед и начал объяснять — неуклюже, сбивчиво. Он говорил, что в рукопашном бою, когда солдат падает, его укрывает тот, кто идет за ним. И когда он, поэт, идет по улице, по лужам с тонким слоем льда, ему кажется, что он может накрыться лужей — той, что оказалась за его спиной. Его спросили «в какой плоскости?» — и он ответил, что в вертикальной, от земли до неба, и когда спросили, от чего накрыться, он ответил: «Ну, просто накрыться!»

Потом Александр вышел к доске, взял мел и очертил круг, пересек его вертикальной линией, протянув ее до верхнего края доски. Он спросил аудиторию: «Что это?» Все молчали, а он ответил сам: «Я утверждаю, что это — капля дождя!» Некоторые с ним согласились. Далее он рассказывал о своем необычном видении мира. Например, он выходит утром на улицу и видит над городом голубую дымку. И ему кажется, что это — Париж. Или смотрит на листья клена, и ему кажется, что это — руки, закрывающие лицо от ветра.

Одна преподавательница заявила, что в его стихах нет логической завершенности, четкой мысли, их можно продолжать бесконечно. Образов много, причем хороших, но они нагромождены без всякой последовательности. Александр ответил, что пишет «единым духом», по вдохновению, и больше не правит стихи. Ему возразили, что великие поэты много работают над своими произведениями, а он, видите ли, считает свои творения каноническими. Он ответил: «Ну, если мои стихи гениальны, то слава Богу!»

Были и хвалебные выступления — о совершенстве образов в стихах Сокольников, например в его миниатюре

*Пчела извлекает
патефонной иглой
янтарную музыку мёда.*

Затем выступил известный авторитетный литературовед Ростислав Иванович Смирнов — о традициях русского стихосложения, о преобладающем стиле — силлабо-тоническом, который характерен для русского языка и останется основным, ведущим. Всё постороннее, наносное не приживется, исчезнет. «Верлибр не приживается у нас, как не прижился при Пушкине силлабический стиль». В стихах Сокольников — нагромождение образов, нет организующего начала. «Эти стихи напоминают творчество Велемира Хлебникова, но это — пройденный этап в нашей литературе».

Александр был очень возбужден той характеристикой, что дал ему Смирнов. Он заявил, что в его стихах организующим началом является последовательность мыслей автора, как в песнях бурлаков. Оспаривал он и мнение о верлибре, сообщил, что знает одного крупного поэта, написавшего строки:

*Я возьму меч,
разрублю земной шар пополам
и положу его половинки на твою грудь,
и у тебя будет ребенок,
и он будет сосать из северного полюса.*

И он спросил: «Ростислав Иванович, как вам нравятся эти стихи?» Тот ответил: «Превосходные!» И Александр сказал внушительно: «Так вот: эти стихи написал я». «Но зачем мистификация?» — «У меня нет другого способа спорить с вами!»

В зале поднялся шум, ропот. Сокольников сидел, большой, в зеленой рубашке с засученными рукавами и джинсах, в рыжеватой бороде его сверкали бисеринки пота.

Выступила Анна Петровна Селявская — вначале о всех прозвучавших стихах, что им недостает оригинальности. Как бы нет лица автора. В случае Сокольников — лицо есть, «может быть, лицо это нам не нравится — слишком выступают надбровные дуги, слишком красивая борода, но оно есть, а лица других авторов в стихах увидеть трудно». Далее Анна Петровна заявила, что, к сожалению, в некоторых строках Александра нет должного целомудрия: к примеру, как понимать строки: «мы любим женщину толчками, как трогаются тепловозы на полустанках»? Александр оторопел и ответил на это вопросом: «А как, по-вашему, любят рыбы?» Та ответила: «Ну, если это считаете нормальным, лучше накрыться лужей!»

В заключение вечера, выступил Владимир Артемов и подвел итоги своей гладкой продуманной речью, предложив в следующий раз, по предложению Ростислава Ивановича, уделить внимание гражданственности в поэзии.

Прошло полвека со времени того вечера, и сама жизнь подытожила судьбы поэтов и их критиков, а также их творений. Многих уже нет в живых: В.А. Артемова, опубликовавшего прекрасные исследования творчества Евгения Евтушенко, Р.И. Смирнова, поэта и литературоведа, А.П. Селявской, великолепного лектора и исследовательницы русского фольклора, хороших поэтов Виктора Отинова и Якова Крома. Столь трудно шедшая к читателям поэзия Александра Сокольниковва приобрела не только популярность, но и место в публикациях. Вспоминаю все это, и мне приходит в голову настойчивая мысль о не уничтожении, выживании подлинной поэзии, которая остается в памяти современников и пробивается к свету и в свет, подобно весеннему ростку сквозь толщу всех наслоений.